

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Социальный конфликт: проблема определения

Abstract

In the article, the definition of a conflict as a social phenomenon is discussed. The author analyses possible options of its logical construction, by kin and kind, in particular, with the help of the notions, such as contradiction, competition, collision. There are chosen the main invariant features of a conflict, some of them are specially stressed: active material and practical inter-influence, different social subjects, difficulties in satisfying needs, realization of interests and goals.

В современной научной литературе широко распространено понимание демократии и рынка как поля постоянных конфликтов. “Демократия — это конфликты” [1, с. 79], — пишут в своей книге “Конфликтология” А. Анцупов и А. Шипилов. Исследование конфликтных отношений и связей представляет собой одну из основных задач общественных наук, в том числе и социологии. Вместе с тем, как утверждают многие социологи, психологи, юристы, изучающие конфликт, до сих пор не выработано однозначного, адекватного и всеми признанного определения социального конфликта. В частности, академик-секретарь Отделения философии, социологии, психологии и права РАН В. Кудрявцев в ноябре 1992 года на совещании ученых и специалистов в области общественных наук, на котором обсуждались теоретико-методологические проблемы исследования конфликтов, в своем докладе отметил, что “понятие конфликта однозначно не определено. Существуют смешение и путаница между различными явлениями и процессами, которые близки к конфликту, но таковыми не являются. Можно сказать, что конфликт — это противоборство сторон, которое обусловлено противоположностью или существенными различиями интересов, взглядов и ценностных ориентаций” [2, с. 52]. Л. Нечипоренко вообще утверждает, что термин “кон-

фликт” представляет собой “резиноподобное понятие, которое можно растягивать и полученное использовать в своих целях” [3, с. 38–39].

Таким образом, отсутствуют и четкое отграничение конфликта как социального феномена от схожих с ним явлений, и однозначные критерии, устанавливающие границы использования понятия “социальный конфликт”. При этом следует отметить, что именно социология призвана обеспечить теоретико-методологические основания наук, изучающих конфликт, в том числе и конфликтологии. Поэтому выработка определения конфликта представляет собой актуальную теоретическую проблему, стоящую в первую очередь перед социологами.

Трудности определения понятия “социальный конфликт” вызваны прежде всего тем, что конфликт как социальный феномен представляет собой сложное явление, проявляющееся в различных сферах жизнедеятельности социума посредством разных механизмов и в разных формах, включая латентные. Часто он разорван во времени и пространстве, имеет многообразные причины и последствия, в силу чего оценивается и определяется как современниками, так и последующими поколениями неоднозначно.

Кроме того, социальный конфликт, как утверждают А.Анцупов и А.Шипилов, изучается в рамках одиннадцати наук, включая такие, как искусствоведение и математика. Они изучают конфликт под своим углом зрения, исходя из своих целей и задач, а также объекта и предмета исследования, своими специфическими методами и средствами, то есть несколько ограниченно, частично. Эти науки имеют различные исходные теоретические предпосылки-аксиомы. В силу этого представители разных наук могут иметь и имеют расхождения в понимании сущности социального конфликта, тем самым ограничивая или расширяя круг принадлежащих к нему феноменов. Например, те же А.Анцупов и А.Шипилов (являющиеся психологами) пишут о существовании трех типов конфликтов: внутриличностном, социальном и зооконflikте [1, с. 82], исключая из совокупности социальных конфликтов внутриличностные. Но эти конфликты возникают вследствие расщепления единого целостного “Я” на два и более различных “Я”, имеющих несовпадающие или даже противоречащие друг другу потребности, интересы и ценности. Конфликт между этими “Я” представляет собой их взаимодействие, прямо или косвенно опосредованное теми или иными социальными институтами: культурой, моралью, религией, идеологией и т.д. Поэтому внутриличностный конфликт — конфликт социальный. А отрицание этого приводит к тому, что такие формы его проявления, как самоубийство или употребление наркотиков и алкоголя, могут выпасть из сферы внимания социологии, что вряд ли оправданно.

Несовпадение цели, а также логики построения различных определений социального конфликта придает им существенные и даже принципиальные различия. Так, целью определения конфликта может быть выяснение его сущности и значения в контексте функционирования социальной системы, установление его специфических свойств-признаков и т.п. Поэтому одни определения социального конфликта строятся по принципу родовидового отличия (первый подход); вторые — путем отграничения конфликта как социального феномена от других близких ему явлений посредством указания наиболее существенных его признаков, неких общих для него типичных или общепризнанных характеристик (второй подход); третьи —

через нахождение и противопоставление конфликту противоположного ему социального феномена, что позволяет установить сущность первого в соотношении его со вторым (третий подход).

Примером третьего подхода является определение, предложенное М.Х.Месконом, М.Альберти и Ф.Хедоури в книге “Основы менеджмента”: конфликт — “несогласие между двумя или более сторонами (лицами или группами), когда каждая сторона старается сделать так, чтобы были приняты именно ее взгляды или цели и помешать другой стороне сделать то же самое” [4, с. 686]. Более того, они прямо утверждают: “Мы определяем КОНФЛИКТ как отсутствие согласия между двумя или более сторонами” [4, с. 517]. Иначе говоря, с их точки зрения, конфликт — это отсутствие консенсуса.

Недостатком данного определения, делающим его малоперспективным, является то, что конфликт и консенсус как социальные феномены принадлежат к разным сферам социального бытия: первый как взаимодействие или совокупность действий субъектов имеет объективный характер, а второй — идеальный, относящийся к сфере сознания. Само по себе достижение консенсуса не означает обязательного и необходимого воплощения его в реальных практических действиях. Конфликту как социальному феномену скорее противоположна кооперация, согласованность действий или социальная интеграция, а возможно — гармония, солидарность, сотрудничество.

В рамках первого подхода, основанного на определении конфликта через родовидовое отличие, одной из распространенных попыток является определение его при помощи категории “противоречие”. Так, А.Бандурка и В.Друзь в книге “Конфликтология” приводят примеры такого определения: “конфликт — трудно разрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями” [5, с. 19] или “конфликт — это противоречие, возникающее между людьми в связи с решением тех или иных вопросов социальной и личной жизни” [5, с. 20]. Близкую позицию занимают авторы статей “конфликт социальный” [6, с. 252–253] и “конфликт социальный трудовой” [6, с. 253–254] энциклопедического словаря по социологии.

Следует отметить, что эта точка зрения критикуется многими. Во-первых, во многих случаях практически происходит отождествление понятий “конфликт” и “противоречие”. В частности, А.Анцупов и А.Шпилов отмечают, что часто “понятия “конфликт” и “противоречие” фактически становятся сопоставимыми по объему” [1, с. 80]. Э.Гидденс, в свою очередь, пишет, что понятия “противоречие” и “конфликт” зачастую используются в едином ключе [7, с. 283]. Однако, несмотря на то, что это весьма близкие понятия, они различаются между собой и обозначают разные социальные феномены.

По мнению Э.Гидденса, понятие “противоречие” используется в двух смыслах, в двух значениях — “структурного противоречия” и “экзистенциального противоречия”. Под последним понимается проблема “существования человека и природы или материального мира” [7, с. 277]. Но человек не может находиться в состоянии конфликта с природой, которая не является социальным субъектом. Конфликт, по Гидденсу, есть “борьба между акторами или общностями, выражающаяся в виде определенных социальных практик” [7, с. 284].

Структурное противоречие, как утверждает Гидденс, есть “разобшение или дизъюнкция структуральных принципов организации социальной системы” [7, с. 284], то есть как понятие оно относится к некоторой концепции

структуры социальной системы, а как социальный феномен может существовать, не вызывая конфликта. То есть, с его точки зрения, противоречие является не неким “родом” по отношению к конфликту, не некой более широкой сущностью, а одной из его возможных причин (часто основополагающей). В частности, структурные противоречия “неизбежно порождают последствия, обратные ожидаемым” [7, с. 429], или “искаженные последствия”, которые могут являться причиной конфликта, на что и указывает Гидденс: “исследование искаженных последствий противоречивого характера представляется нам плодотворным с точки зрения изучения источников конфликтов” [7, с. 430].

Во-вторых, определение конфликта через противоречие не предполагает активную роль субъекта в возникновении и протекании конфликта. Он предстает как “внесубъектный”. Потребности, интересы, ценности и мотивы действий конфликтующих акторов не принимаются во внимание, как и возможность осуществления ими выбора среди имеющихся вариантов поведения и действий. Субъекты конфликта оказываются пассивными, лишь “отражающими” реальность, действующими “автоматически”, как бы не обладая сознанием и определенной мерой свободы действий.

В целом можно сказать, что определение конфликта через противоречие имеет скорее философский, а не социологический характер, оно излишне абстрактно, ставит больше проблем, чем помогает решить, и в силу этого малопродуктивно для объяснения конкретных конфликтов, протекающих в конкретной ситуации. Более того, противоречие и конфликт вряд ли соотносятся между собой как род и вид.

Довольно распространенным в рамках первого подхода (определение через род и вид) является определение конфликта при помощи понятия “борьба”. Например, с точки зрения Л.Козера, “социальный конфликт — это борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников” [8, с. 32].

Однако и эта точка зрения обладает рядом недостатков.

Во-первых, в данном определении, исходя из самой сущности феномена борьбы, противостоящие в конфликте стороны рассматриваются как непримиримые противники, как враги: а) они стремятся нанести друг другу ущерб, захватить территорию или иные дефицитные ресурсы; б) их действия носят “негативный”, деструктивно-разрушительный характер, сопряженный с насилием и принуждением, они направлены если не на уничтожение, то на устранение противника, на достижение некой “победы”; в) действия конфликтующих сторон сопряжены с агрессивностью, чувством враждебности, а не солидарности, и в целом все их эмоции по отношению друг к другу носят негативный характер. Борьба всегда направлена против кого-то.

Данная точка зрения противоречит современному пониманию конфликта как нормы, ибо не могут являться нормой агрессия, насилие, захват, стремление нанести ущерб и т.д. Здесь игнорируются такие механизмы протекания конфликтов, как достижение компромисса и консенсуса на этапе конфликтной ситуации (потенциального конфликта), его локализация или протекание и разрешение в суде, при помощи арбитража, так называемой “третьей стороны” и т.д.

Во-вторых, практика использования самого термина “борьба” придала ему в значительной мере метафорический характер: “борьба за мир”, “борьба за светлое будущее”, “борьба с природой” и т.д. Поэтому ему присуща некая неопределенность, которая создает трудности для превращения его в строго научное понятие.

Даже если отбросить последние соображения, можно сказать, что определение конфликта по родовидовому принципу при помощи понятия “борьба” неудачно, так как не конфликт является по отношению к борьбе видом, а скорее наоборот. Борьба является формой проявления некоторых, отнюдь не многих конфликтов, а также сущностью еще меньшего их количества. Поэтому определение конфликта через родовидовое отличие при помощи понятия “борьбы” не охватывает всей совокупности конфликтов.

Широко распространено в рамках первого подхода (через родовидовое отличие) определение конфликта при помощи понятия “столкновение”. Например, Э.Уткин утверждает: “конфликт — столкновение противоположных позиций, мнений, оценок и идей, которое люди пытаются разрешить с помощью убеждений или действий на фоне проявления эмоций” [9, с. 52]. Однако если учесть, что само понятие “конфликт” происходит от латинского *conflictus* — столкновение, то данное определение также представляется неудачным, так как конфликт, по существу, определяется через тавтологию. Кроме того, понятие “столкновение” указывает на наличие в его развертывании некоей линии, “линии фронта”, где происходит непосредственное соприкосновение противников друг с другом, их столкновение. Эта линия делит участвующих в конфликте, а часто не только участвующих, а всех подряд, на две противостоящие группы — “наших” и “не наших”, “своих” и “чужих”.

Однако такой подход упрощает понимание сущности конфликта, особенно современного, схематизирует его концепцию, препятствует его адекватному восприятию. Конфликт — сложное явление, имеющее многообразные формы проявления, во многих из которых нет линии непосредственного столкновения, может не быть и самого столкновения с какой-либо из участвующих в нем сторон (терциарный конфликт); не обязательно и разделение на две противостоящие, сталкивающиеся друг с другом группы участников. При внутриличностном конфликте расщепление единого целостного “Я” на два и более “Я” может быть весьма условным, сопряженным с огромными трудностями, неразрешимыми проблемами, что и становится одной из причин различных отклонений в психике личности, самоубийств и т.п.

Следует также отметить, что понятие “столкновение”, как и рассмотренное выше понятие “борьба”, уже понятия “конфликт”, так как не охватывает все социальные феномены, относящиеся к конфликтам.

Еще одним вариантом первого подхода является точка зрения А.Анцупова и А.Шипилова, пытающихся дать определение конфликта при помощи понятия “способ разрешения” как родового: “под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями” [1, с. 81]. Это определение обладает рядом уже отмеченных выше недостатков. Например, конфликт может проявляться посредством любых действий социальных акторов, а его разрешение принимать любую форму. Нельзя игнорировать его урегулирование в суде, где возможны локализация или устранение противоречия как причины возникшего конфликта. И вряд ли можно

трактовать судебный процесс как “наиболее острый способ разрешения значимых противоречий”. Кроме того, сама формулировка “наиболее острый способ” довольно неопределенна, абстрактна и мало что объясняет. Поэтому можно считать и это определение не вполне удачным.

В рамках второго подхода усилия исследователя в первую очередь направляются не на поиск некоего социального феномена, являющегося по отношению к конфликту более широкой сущностью, а на установление атрибутивных признаков конфликта. Наиболее удачной в его рамках представляется попытка, предпринятая Н.Гришиной, в ее монографии “Психология конфликта”. Эти признаки она называет инвариантными, то есть обязательно присутствующими в любом конфликте. Их установление должно осуществляться путем сравнения всех происходящих и произошедших конкретных конфликтов как социальных феноменов, а также имеющих их определений. Среди этих признаков Гришина выделяет три основных.

Первый признак — биполярность “как наличие и противостояние двух начал” [10, с. 72] в конфликте, их взаимосвязанность и взаимоположность одновременно. С ее точки зрения, этот признак выражает (“снимает” в гегелевском смысле) такие качественные характеристики конфликта, как столкновение, борьба, противоборство в их любой форме и любом проявлении.

Однако, как показывает практика современных социальных конфликтов, во многих из них (терциарный, корпоративный и др.) присутствуют не две, а более двух сторон, каждая из которых имеет свои специфические потребности, интересы и цели, принципиально отличные от потребностей, интересов и целей других сторон конфликта. Каждая из сторон публично провозглашает их, разрабатывает в соответствии с ними свою собственную стратегию и тактику, а самое главное — действует самостоятельно, отдельно от других сторон конфликта, не вступая с ними в союзные отношения, противостоя не одной стороне, а как минимум двум. Поэтому говорить о биполярности, о наличии в конфликте только “двух начал”, только “двух сторон” в настоящее время уже недостаточно, а построенное на данном тезисе определение конфликта будет уже не совсем адекватным действительности.

Второй признак — “активность, направленная на преодоление противоречия” [10, с. 16]. Наличие этого признака, с точки зрения Н.Гришиной, снимает вопрос о том, что, собственно, является конфликтом: только чувства и эмоции без действий или же совокупность чувств, эмоций и действий. Она задается вопросом: “Когда же ситуация начинает развиваться как конфликтная?”. И дает на него ответ: “Если человек, воспринимая сложившуюся ситуацию как неприемлемую для него, начинает что-то предпринимать для ее изменения — объясняет свою точку зрения партнеру, пытается переубедить его, идет жаловаться на него кому-то, демонстрирует свое недовольство и т.д.” [10, с. 72], то есть начинает действовать.

Как представляется, действительно необходимо различать конфликтную ситуацию (потенциальный конфликт), при которой существуют разногласия (противоречия), трудности для удовлетворения потребностей, реализации интересов, достижения целей, негативные эмоции и другие условия для возникновения конфликта, от непосредственного конфликта, в ходе которого его участники *совершают конкретные действия*, когда акторы начинают проявлять материально-практическую активность и тем самым осуществлять изменение социальной системы, условий ее существования, самих себя. То

есть непосредственный конфликт отличается от конфликтной ситуации материальными действиями социальных субъектов и реальными изменениями социальной системы, происходящими в их результате.

Третий признак — “наличие субъекта или субъектов как носителей конфликта” [10, с. 16]. С точки зрения Н.Гришиной, его выделение обусловлено необходимостью ограничить предлагаемое нами понимание конфликта от метафорического употребления этого слова. “Простейшая интерпретация этого признака, — утверждает она, — означает, что конфликт — это “человеческое” явление” [10, с. 73].

Однако из такого подхода, который, казалось бы, является наиболее адекватным для понимания конфликта, вытекает, что конфликтующими сторонами могут быть только отдельные индивиды, социальные группы или социальные общности (сообщества) — классы, нации, народы и т.д., но никак не политические партии, государства, государственные или иные организации. С этой точки зрения, такое понятие, как “межгосударственный конфликт”, оказывается некорректным. Государство и все иные организации представляют собой в рамках этого подхода только средства, инструменты, при помощи которых те или иные социальные группы реализуют свои интересы и достигают своих целей. Государства конфликтовать между собой не могут, как не конфликтуют между собой сабли двух столкнувшихся в сражении бойцов; конфликтуют, сталкиваются между собой субъекты, использующие в поединке те или иные средства.

Вместе с тем, исходя из имеющейся практики и утвердившейся традиции, использование таких понятий, как “межгосударственный конфликт”, и подобных ему в научной литературе вполне допустимо.

Не могут конфликтовать, сталкиваться также цели, задачи, ценности, интересы, идеологии, мировоззрения и т.д. Сталкиваются субъекты, которые придерживаются несовместимых, противоположных или противоречащих друг другу ценностей или идеологий (верят в них, защищают их). Нет конфликта между марксизмом (социализмом, коммунизмом) и либерализмом (капитализмом). Хотя опять же следует отметить, что исходя из традиции и имеющейся практики, вероятно, допустимо говорить о “конфликте идеологий”.

В целом, несмотря на отмеченные недостатки, предлагаемое Н.Гришиной определение социального конфликта представляется весьма плодотворным и перспективным: “при первоначальном рассмотрении конфликт выступает как биполярное явление — противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами)” [10, с. 17].

Значимость этого определения состоит в том, что автор его отказывается от поиска родовой общности по отношению к конфликту и использует одно из самых широких (объемных) понятий в социологии — понятие явления. Основное внимание уделяется установлению основных атрибутивных признаков конфликта, то есть предлагается иной путь построения определения в отличие от всех отмеченных выше.

Вместе с тем наиболее плодотворной может оказаться попытка построения определения на базе симбиоза всех трех рассмотренных выше подходов. То есть необходимо найти более широкую по отношению к конфликту родо-

вую сущность, установить наиболее характерные для него инвариантные признаки, а также выявить социальный феномен, противоположный конфликту как социальному явлению.

При решении первой задачи следует обратить внимание на тот факт, что почти все исследователи конфликта если не специально подчеркивают, то указывают на то, что конфликт есть взаимодействие. Так, Л.Козер подчеркивает и неоднократно: “социальный конфликт — это всегда социальное взаимодействие” [8, с. 59], конфликт “всегда предполагает взаимодействие между двумя или более людьми” [8, с. 83], “конфликт может возникнуть только во взаимодействии между субъектом и объектом; он всегда предполагает отношение” [8, с. 84] и т.д. А.Анцупов и А.Шипилов, вслед за Л.Козером, пишут, что “конфликты возникают только при социальном взаимодействии” [1, с. 81]. С.Ф.Фролов, в свою очередь, также считает, что “конфликт — сложное социальное взаимодействие” [11, с. 188].

Трудно, конечно, опровергнуть или поставить под сомнение, что конфликт есть совокупность ряда последовательных действий, осуществляемых социальными субъектами и всегда представляющих собой их взаимодействие. Даже тогда, когда нет их непосредственного контакта, взаимодействие субъектов может осуществляться опосредованно посредством различных социальных институтов и организаций. Недаром П.Сорокин писал: “Взаимодействие двух или большего числа индивидов есть *родовое понятие социального явления* (курс. мой. — В.К.): оно может служить моделью последних. Изучая строение этой модели, мы можем познать и строение общественных явлений. Разложив взаимодействие на составные части, мы разложим тем самым самые сложные социальные явления” [цит. по: 12, с. 125].

Однако какое взаимодействие есть конфликт? Что является условием или причиной превращения просто взаимодействия во взаимодействие-конфликт? Что будет являться его атрибутивным признаком? С.С.Фролов предлагает такой ответ на эти вопросы: в процессах удовлетворения потребности или реализации своих интересов у субъекта возникают помехи или преграды, которые затрудняют или заставляют его прекратить осуществление этих процессов. Возникает ситуация блокирования, вызывающая у субъекта некоторое замешательство различной интенсивности (от легкого недоумения до шока), а затем побуждающая его к дальнейшим активным действиям по преодолению трудностей. Встреча же “с непреодолимым затруднением в удовлетворении потребности может быть отнесена к фрустрации. Она обычно связана с напряжением, неудовольствием, переходящим в раздражение и злость” [13, с. 307]. Фрустрация может развиваться по двум направлениям: отступления и агрессии.

Отступление представляет собой избежание фрустрации “путем кратковременного или долговременного отказа от удовлетворения определенной потребности” [13, с. 307] посредством сдерживания или подавления. Последнее есть “уход от реализации целей под воздействием внешнего принуждения, когда фрустрация полностью присутствует внутри индивида, но загоняется вглубь и может в любой момент выйти наружу в форме агрессии при определенных благоприятных для этого условиях” [13, с. 307–308]. Агрессия, в свою очередь, представляет собой поведение, которое может быть направлено на другой субъект или какой-либо объект, если они являются или даже просто представляются причиной развития фрустрации.

Данные “агрессивные социальные действия вызывают ответную агрессивную реакцию у другого индивида или группы, и с этого момента начинается социальный конфликт” [13, с. 308].

Таким образом, можно сказать, что понятие “взаимодействие” является родовым по отношению к понятию “конфликт”, а наличие трудностей, возникающих у социального субъекта в процессе удовлетворения им своих потребностей, является атрибутивным признаком конфликта. Они суть непосредственное конкретизированное проявление противоречий, причем любых, будь то в сфере производства, материального или духовного, или же в сфере социокультурной или политической жизни. Именно трудности превращают просто взаимодействие во взаимодействие-конфликт.

При решении последней задачи — поиске противоположного конфликту социального феномена следует обратить внимание на творчество Э.Дюркгейма, который подчеркивал роль и значение для общества социальной солидарности как высшего морального принципа, как высшей универсальной ценности [14, с. 69]. По существу, с его точки зрения, органическая солидарность противоположна конфликту, на что и указывает Р.Арон, анализируя работу Э.Дюркгейма “О разделении общественного труда”: “в индивидуалистическом обществе основная проблема состоит в поддержании минимума коллективного сознания, при отсутствии которого органическая солидарность повлечет за собой общественную дезинтеграцию” [15, с. 326], которая проявляется в форме конфликтов или приводит к ним. Иначе говоря, отсутствие коллективного сознания (коллективных верований) означает разрушение органической солидарности, утрату консенсуса и сплоченности общества, рожденных вследствие его дифференциации и разделения труда; им на смену приходит дезинтеграция, конфликт: вместо мира приходит война. Противоположность солидарности и конфликта, с точки зрения Э.Дюркгейма, становится еще более очевидной, если учесть, что “разделение труда есть результат борьбы за существование; но оно представляет собой ее развязку. Благодаря ему соперникам нет нужды истреблять друг друга, и они могут сосуществовать бок о бок” [цит. по: 15, с. 398]. То есть, с одной стороны, борьба за существование, истребление людьми друг друга, конфликт, а с другой — как их результат — разделение труда, сосуществование бок о бок, органическая солидарность. Общество “идет” от конфликта к солидарности как его противоположности.

Однако считается, что понятие социальной солидарности в современной социологии “применяется сравнительно редко, сосуществуя с такими близкими по смыслу и более употребительными понятиями, как “социальная сплоченность” и “социальное согласие” [16, с. 314]. К тому же сам феномен солидарности часто понимается как некоторое чувство, эмоция — не конкретное действие или поведение, а скорее их мотив. Поэтому противоположность конфликту скорее будут составлять кооперация, сотрудничество, интеграция или определенная степень согласованности как характеристики взаимодействия и совместных действий. Приблизительно такой же точки зрения придерживается директор Центра конфликтологических исследований Института социологии РАН Е.Степанов. В частности, он утверждает, что общественный консенсус выступает “наиболее эффективным способом контролирования, регулирования и принципиального разрешения социальных конфликтов на основе *восстановления* и укрепления отношений со-

трудничества, социального партнерства” (курс. мой. — В.К.) [17, с. 15]. То есть общество, а точнее взаимодействие субъектов идет в своем развитии от некоего состояния “войны всех против всех”, некоего абсолютного и тотального конфликта через повышение степени согласованности действий ко все более тесной и сплоченной кооперации и сотрудничеству. Снижается степень конфликтности социального взаимодействия. Конечно, этот процесс не имеет однолинейной направленности, и его течение не может быть однозначно расписано как “школьная программа” [18, с. 365], присутствует лишь некая тенденция, которая должна, вероятно, привести к “полностью институционализированному конфликту” (по Козеру) с высокой степенью его нормативной регуляции [8, с. 187], а также с высокой степенью согласованности и консенсуальности.

Подводя итоги, можно предложить следующее определение социального конфликта: это тип взаимодействия различающихся между собой социальных субъектов, в процессе которого они, во-первых, встречают трудности (препятствия) для удовлетворения своих потребностей и реализации интересов из-за ограниченности общих ресурсов, что побуждает акторов к активному действию, и, во-вторых, достигают той или иной степени согласованности и сотрудничества (кооперации) по совместному освоению этих ресурсов, что приводит к изменению социальной системы в той или иной форме (революции, реформы, модернизации, трансформации и т.д.).

Конечно, данное определение не может быть совершенным, бесспорным и окончательным, оно имеет свои недостатки, учитывая хотя бы его сложность. Поэтому возможны его упрощенные варианты, например: социальный конфликт — это совокупность действий по преодолению трудностей, возникающих во взаимодействии индивидов и вызванных имеющимися между ними различиями, а также ограниченностью наличных ресурсов; последствиями этих действий является повышение степени сотрудничества между ними и изменение социальной системы.

Как представляется, к преимуществам предложенного определения относятся, во-первых, отсутствие конкретного описания действий акторов, однозначного установления их характера, то есть отказ от указания на то, что эти действия являются “столкновением”, “борьбой”, “противостоянием” и т.д. Это позволяет выявить новые формы протекающих в настоящее время конфликтов, которые, еще раз подчеркнем, не обязательно сопряжены не только с борьбой, но даже с противостоянием. Современный конфликт — это конфликт многосубъектный, в котором не все его стороны всегда противостоят друг другу. При этом, не заключая союзнических отношений, они действуют совершенно самостоятельно, не совместно, а параллельно действиям других участников. Более того, некоторые из них отнюдь не стремятся к противостоянию и фактически не противостоят другим, а заинтересованы в компромиссе между сторонами конфликта, который других не удовлетворяет. Во-вторых, предлагаемое определение указывает на противоречивость и неоднозначность самого конфликта, в силу которых большей значимостью для субъектов становится не сам факт его наличия, а степень конфликтности, то, что Р.Дарендорф называл “остротой” конфликта. Определение через борьбу и столкновение препятствовало осознанию многосубъектности конфликта, а также структурной сложности самого субъекта, часто состоящего из сталкивающихся между собой групп. В-третьих, данное

определение, не отрицая понимания конфликта как борьбы, столкновения, противоборства как наиболее острого способа разрешения противоречия и т.д., лишь указывает на недостаточность такого понимания в настоящее время. В-четвертых, предложенное определение довольно широко и объемно, что способствует снятию ряда проблем, которые могут возникнуть при его использовании. Например, в определении прямо не говорится о возможности существования так называемых “ценностных” или “идеологических” конфликтов, то есть о “столкновении идеологий”, но говорится о различиях между субъектами, являющихся причиной конфликта и могущих быть различиями по приверженности той или иной идеологии, религии и т.д. Таким образом, не отрицается факт существования между акторами конфликтов данного типа. В-пятых, исходя из понимания конфликта как взаимодействия, в том числе и опосредованного, определение нацеливает на интерпретацию многих чрезвычайных происшествий (аварий, катастроф, включая “природные”) как опосредованных природными явлениями социальных конфликтов, что может способствовать их предотвращению. В-шестых, предлагаемое определение, как представляется, является достаточно широким по объему, включая все возможные типы и формы конфликтов, каковы бы ни были механизмы их протекания и разрешения.

Инвариантными признаками конфликта в этом контексте являются: активное материально-практическое взаимодействие, различающиеся между собой социальные субъекты, существование трудностей для удовлетворения потребностей, реализации интересов и целей.

Литература

1. *Анциутов А.Я., Шитлов А.И.* Конфликтология. — М., 1999.
2. Проблемы конфликтологии // Социологические исследования. — 1993. — № 9. — С. 52–57.
3. *Нециторенко Л.А.* Буржуазная “социология конфликта”. — М., 1982.
4. *Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. — М., 1992.
5. *Бандурка А.М., Друзь В.А.* Конфликтология. — Харьков, 1997.
6. Социология: короткий энциклопедический словарь. — К., 1998.
7. *Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуризации. — М., 2003.
8. *Козер Л.* Функции социального конфликта. — М., 2000.
9. *Уткин Э.А.* Конфликтология. Теория и практика. — М., 1998.
10. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. — СПб., 2002.
11. *Фролов С.Ф.* Социология: сотрудничество и конфликты. — М., 1997.
12. Социология. Основы общей теории. — М., 1998.
13. *Фролов С.С.* Основы социологии. — М., 1997.
14. *Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная социология. — СПб., 1997.
15. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. — М., 1992.
16. Современная западная социология : Словарь. — М., 1990.
17. *Степанов Е.И.* Роль конфликтологии в обеспечении безопасности и устойчивого развития России и ее регионов // Конфликтология — теория и практика. — 2004. — № 1. — С. 15–20.
18. *Сорокин П.А.* Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль : Тексты. — М., 1994. — С. 358–378.